

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИИ

УДК 34(09)

РУССКАЯ АДВОКАТУРА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Степанова

Саратовский государственный университет,
кафедра Отечественной истории и культуры
E-mail: StepanovUG@list.ru

В статье исследуется русская адвокатура 2-й половины XIX века. Рассмотрен вопрос о роли и значении адвокатуры. Проанализирован процесс борьбы русских адвокатов с властью за свое существование. Сравниваются образцы российской и зарубежной адвокатуры.

Russian Advocacy and Society is a Political Fight in Russia after Reforms

A.V. Stepanova

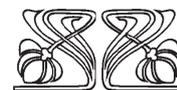
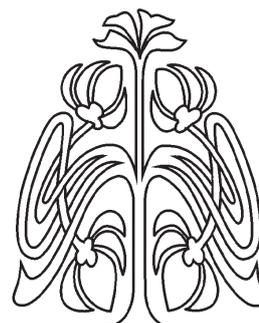
The report considers the role and importance of Russian advocacy in the second half of the 19th century. The author analyses the process of struggle of Russian and advocates with the authorities for their existence also models of Russian and foreign advocacy are compared.

Девятнадцатый век – существенный рубеж в развитии Российского государства. Рубежный он и для судебной системы, поскольку преобразование судопроизводства вызывало ожесточенные споры, но в итоге оказалось самой завершённой из всех реформ царствования Александра II. Профессиональная адвокатура, в соответствии с положениями судебной реформы 1864 г., явилась учреждением совершенно новым по содержанию и форме. На место «юридических знахарей» пришли высокопрофессиональные юристы. Адвокаты стали одновременно правозаступниками и поверенными своего клиента. В 70-х гг. XIX в. в литературе впервые был поставлен вопрос о юридической природе адвокатуры. А.М. Пальховский в своем исследовании сделал вывод: «Адвокатура, в силу самой своей природы, должна занимать не подчиненное, а высшее положение сравнительно с магистратурой»¹.

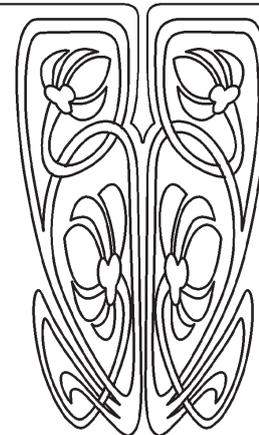
Общезвестно, что «судебные уставы вступили в действие 17 апреля 1866 г., именно этот день считается фактическим днем рождения адвокатуры в России. 29 сентября и 20 ноября 1864 г. «прозвучали как бы два первых свистка на собирающемся отчалить пароходе» русской адвокатуры, но только «по третьему свистку пароход снялся с места...»².

Однако работа над уставами и оформлением структуры присяжных поверенных в России шла задолго до «первого свистка». Уже в проектах эпохи царствования Александра I осторожно звучала идея о возможности заимствования некоторых элементов европейского судопроизводства.

И.В. Гессен привел любопытный факт: жалоба чиновника Военного министерства Лунина на Хвицкого, служащего Министерства государственных имуществ, с обвинением в злоупотреблении служебным положением возымела действие. Правительствующий Сенат пришел

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к однозначному решению: «...вопрос о совместительстве стряпчества с государственной службой разрешается отрицательно»³. Этот прецедент способствовал созданию «комиссии составления законов», которая «широко раздвинула рамки своей задачи» и, ссылаясь на пример иностранных государств, а также польских и остзейских провинций, пришла к выводу о необходимости создания института стряпчих. «Надобно последовать примеру других государств (курсив мой. – А.С.) и учредить сословие стряпчих на таком положении, на каком они везде существуют, с нужными только переменами по местным обстоятельствам России»⁴.

Комиссия выдвинула и регламентировала ряд постановлений, запрещающих «...чиновникам заниматься стряпчеством <...>»⁵, пояснив все обстоятельства по пунктам, не дозволяющим служащим заниматься подобным видом деятельности. В связи с тем, что правительство «...изъявило уже свои намерения, то остается рассмотреть основания, на коих должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией, Англией, Германией (курсив мой. – А.С.). Заведенное в сих странах судебное устройство имеет, может быть, <...> недостатки, коих по счастью у нас в России нет, но в рассуждении устройства стряпчих и способов защищения могут быть они без сомнения служить нам примером»⁶.

Показательно, что Комиссия выдвинула основания для учреждения сословия стряпчих. Предполагалось собрать все сведения о лицах, занимающихся данным видом деятельности, затем министр на основании доказательных сведений отбирал в списки наиболее достойных по способностям и поведению. Был даже очерчен круг обязанностей⁷. Более того, точно регламентирована ответственность, расписаны и указаны различные размеры штрафов, взятые из французского законодательства, с утверждением, «что с некоторыми переменами установление сие могло бы быть введено и у нас»⁸. Для повышения доверия, а соответственно и авторитета подобной организации детально перечислены все возможные виды ответственности⁹. «А чтобы сословие стряпчих, долженствующее совокупно отвечать за своих членов, имело возможность для сего наблюдать за их поступками, надлежало бы из них учредить (так, как во Франции) особую управу или Совет, избираемый стряпчими между собой, под непосредственным покровительством министра юстиции»¹⁰. Деятельность Совета скрупулезно расписывалась и уточнялась. Было выдвинуто предложение о наградах и отличиях тем стряпчим, которые за долгий свой труд непорочный содействовали утверждению законности в государстве Российском, другими словами, предполагалось «дать им права по службе, равняющие их с другими чиновниками»¹¹, т. е. приравнять их к государственным служащим.

Тем не менее проект не был утвержден: «гора родила мышь». В 1832 г. правительство попыталось создать представительство сторон для коммерческих судов, так называемый институт присяжных стряпчих: «не меняя ничего по существу», оно «только повторяло мероприятия, принятые в конце XVIII в. <...>»¹².

Безусловно, ссылка на то, что «должно быть учреждено звание стряпчих, советуясь с примерами, представленными ныне Францией», настораживала власти и тормозила реализацию проекта. Более того, отторжение европейских образцов и стало причиной неоднократных, но бесплодных попыток вернуться к обсуждению вопроса. Отрицательное отношение к идее введения адвокатуры на европейских принципах прослеживается на всех этапах подготовки проекта судебной реформы.

Следует отметить несколько важнейших причин такого отношения к адвокатуры:

- 1) стремление решить вопрос о новом судоустройстве без института адвокатуры;
- 2) под сомнение ставился принцип состязательности;
- 3) не решенным оставался и вопрос о соотношении новой судебной системы с самодержавным устройством;
- 4) неопределенность того, что именно должно служить образцом для новых судебных уставов.

По словам Е.В. Васьковского, в самодержавной России, где миловать или казнить было исконной, незыблемой прерогативой монарха, «дискреционная власть, действующая ради общественного блага», была вне закона¹³.

Во второй половине 1850-х гг. вновь началась реформаторская лихорадка. Объективные и субъективные причины, которые осознавало самодержавие, подготовили почву для реформ¹⁴. Обновление суда, если не перестройку, считали необходимым во II отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии (с. Е. И. В. к.), в защиту преобразований выступил К.П. Победоносцев, в дальнейшем ярый противник суда присяжных и особенно адвокатуры.

Проекты росли как грибы, похожие друг на друга, однако правительство каждый раз находило возможность отложить решение этого вопроса. Лишь на первый взгляд казалось, что правительство сознательно шло на судебные преобразования, подчиняясь духу времени. Если же верховная власть шла на уступки, то весьма незначительные и с учетом своих интересов. Охранительная позиция прослеживается на всех этапах подготовки проектов. Так, в 1857 г. «обсуждение Государственным Советом ... проекта началось с чтения Высочайшего повеления, коим воспрещалось касаться вопросов о суде присяжных и адвокатуры»¹⁵.

Система правосудия с институтом адвокатуры – элемент контроля над обществом. Дать

ей самостоятельность – создать прецедент неизбежной эволюции к политическим свободам. Это прекрасно понимали российские самодержцы. Так, еще Екатерина II заявляла: «Адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и никогда законодательствовать не будут пока я жива, а после меня будут следовать моим началам»¹⁶. Не менее «тверд» в этом вопросе был и ее внук Николай I.

Царизм, идя на вынужденные реформы, не допускал и мысли об изменении существующего строя, предполагая лишь возможность подкорректировать систему власти с учетом «новых времен». Стратегически просчитывая варианты улучшения системы управления, правительство руководствовалось политической целесообразностью в рамках опять же самодержавной идеологии¹⁷.

Устройство адвокатуры во Франции было следствием революцией, закреплялось конституцией, а в дальнейшем являлось неотъемлемой частью судебного-процессуального действия. Это вынуждало авторов проектов судебных преобразований энергично отпираться и решительно отвергать все доводы и аргументы в пользу сравнения статуса российской и французской адвокатуры.

Так, Д.Н. Блудов (автор одного из первых проектов судебной реформы), вынужденный под давлением сверху искать компромиссы и лавировать, защищал идею адвокатуры, но опасался за судьбу всей судебной реформы¹⁸. Об этом свидетельствует проект судебной реформы 1857 г. – так называемая записка гр. Блудова, в которой автор доказывал существенную разницу между адвокатурой как организацией вообще и французской адвокатурой: «Во Франции адвокаты образуют отдельное сословие, самоуправляющееся», именно «при таком устройстве... адвокаты во Франции достигли политического значения, несогласного с действительным их призванием». Но в Германии, Голландии, Пьемонте, Неаполе, Греции «нет гибельного деления на поверенных («*avoques*») и адвокатов. <...> Они назначаются от правительства, состоят в зависимости и под надзором судебных мест, <...> и мы смеем думать, даже полезно будет еще более удалиться от основного учреждения адвокатов во Франции»¹⁹. В 1859 г. на двух заседаниях Государственного совета Блудов достиг согласия с мнением II отделения с.Е.И.В.к., что «наше учреждение поверенных должно получить направление, совершенно отличное от Франции»²⁰.

Казалось бы, компромисс достигнут, однако вопрос о принципе состязательности судебного процесса, роли и значении в нем адвокатов оставался очень острым. Принцип безусловного административного диктата входил в противоречие с принципом состязательности, т. е. необходимости участия в процессе адвокатуры. По словам Гессена, состязательность процесса неизбежно вела к «насаждению французского образца обязательно участия адвокатуры»²¹.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, сенатор Н.А. Буцковский²², профессор-юрист Б.А. Кистяковский, многие другие настойчиво стремились отделить проблемы судопроизводства от вопросов сугубо политических: «...суд присяжных возможен и необходим не только при представительном строе, что он полезен и совместим и с самодержавным режимом, так как это есть институт юридический, а не политический»²³. Именно политическая сторона деятельности адвокатуры настораживала самодержавие, заставляя юристов доказывать, что профессия адвоката имеет сугубо гражданский характер. По словам Е.В. Васковского, «адвокатура – институт юридический, а не политический. Она преследует те же задачи, что и суд: защиту права, осуществление закона. Поэтому и политическое значение не более того, какое имеет правильно организованный беспристрастный и независимый суд»²⁴.

Отметим, что изрядная доля оппозиционности действительно заложена в самой идее и организации института адвокатуры, подразумевающей самостоятельность, сословность и выборность. Более того, эта организация предполагает свободный суд как самостоятельную ветвь власти с принципами гласности и состязательности, а также защиту прав человека. Все это шло вразрез с самодержавным правлением. Учитывая возросшее влияние общественной мысли, приобретающей большей политической резонанс, подъем революционного движения, а также складывающиеся новые экономические отношения, правительство шло на вынужденную уступку, но ни о каком компромиссе по части уступок политических свобод речь не могла идти.

Между тем появление присяжных поверенных как правозащитного органа было необходимо, так как деспотизм и беззаконие власти на всех уровнях превышали все пределы. Даже государственные чиновники понимали сложность положения русского судопроизводства: «Мы поставлены в следующее безвыходное положение: с одной стороны, у нас судопроизводство дурное потому, что нет адвокатов, а с другой стороны, адвокатов у нас нет потому, что судопроизводство дурно»²⁵.

Самодержавие вполне осознавало, что к середине XIX в., помимо его воли, интеллигенция отражала интересы населения в периодической печати, формировала общественное мнение. Игнорировать запросы общества было невозможно, а оно все настойчивей предъявляло права на участие в решении хотя бы своих проблем. В итоге судебная реформа состоялась.

В результате утверждения судебной реформы 1864 г. были провозглашены и реализованы следующие принципы судопроизводства и судопроизводства: отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех граждан перед судом, несменяемость судей, гласность, устность, состязательность процесса²⁶, презумпция невиновности, прокурорский надзор, выборность (миро-

вых судей и присяжных заседателей). Два года спустя получила право на жизнь и адвокатура²⁷. Так, с 1866 г. первой общественной организацией самодержавной России, официально признанной государством, стала адвокатура²⁸.

С первых же дней существования российский институт присяжных поверенных подвергся непрестанному натиску правых, доказывавших его французские корни. Таким образом, консерваторы стремились подчеркнуть политическую неблагонадежность и чуждость адвокатуры «национальным устоям» и принципу самодержавности.

Русские юристы, стремясь защитить адвокатуру от нападков, подчеркивали независимость и обособленность ее от французской системы правозащиты. Так, Е. В. Васильковский прямо указывал «что история нашей адвокатуры в сущности история ябедничества»²⁹. Еще откровенней высказался известный адвокат П.А. Потехин: «Мы родились не из них, мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического рода, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться»³⁰. «Король» адвокатов первой волны В.Д. Спасович вторил ему в унисон: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в самозарождение организма. У нас именно имеется пример такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo, мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»³¹.

Наряду с этими эмоциональными эскападами некоторые специалисты пытались теоретически доказать полную самостоятельность русской адвокатуры. Например, А. Барымов настаивал на этическом несовершенстве французской адвокатуры, от которого будто бы свободны русские присяжные: «Французские писатели <...> главным профессиональным достоинством адвоката, его высшею добродетелью считают беспристрастие и правдолюбие». По мнению русского юриста, «главнейший недостаток этого взгляда» – отождествление «обязанностей профессиональных, <...> специально присущих адвокатской функции с началами и обязанностями общежитийской морали»³². «Второй недостаток <...> полное отсутствие какого бы то ни было критерия для определения справедливости и несправедливости уголовного дела»³³. Знаменитый К.К. Арсеньев писал: «Русская адвокатура идет своим самостоятельным путем, во многом отличаясь от французской. В ее молодости – и слабость ее, и сила: слабость потому, что она не имеет ни прошлого положения, ни всеми признанных бесспорных прав, ни твердо установленных традиций; сила потому, что она меньше спутана рутиной, меньше усвоила себе шаблонных приемов». Главный вывод автора: «Подражание французскому образцу было бы, во всяком случае, крайне опасно»³⁴. Сходные «умозаключения» делали П.В. Макалинский³⁵, А.Н. Стоянов³⁶.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, несмотря на официальное отмежевание от европейских образцов адвокатуры, мерилom авторитетности и значимости института защиты для составителей судебных уставов (а тем более для адвокатов) оставалась система организации адвокатуры во Франции, Германии, Англии³⁷. Косвенным тому доказательством служат и бесконечные «самооправдания» представителей русской защиты в печати.

При детальном изучении специальных юридических исследований выявляется масса общего в устройстве и принципах деятельности русской и французской адвокатуры. Так, Советы присяжных поверенных, правила аттестации, прохождения процедур создавались один в один по образцу французских.

Самодержавное правительство в 1870–1880-х гг. в законодательном порядке стало проводить политику ущемления прав адвокатуры. В январе 1874 г. Последовало высочайшее повеление о «временном» приостановлении учреждения советов присяжных поверенных и передаче функций Советов присяжных поверенных окружным судам. Это ограничило независимость

Еще до 1917 г. ряд авторитетных специалистов указывали, что именно французская адвокатура послужила образцом для основания сословия присяжных поверенных в России. Наиболее объективно к этому вопросу подошел М.М. Ковалевский, который после глубокого сравнительного анализа новой судебной-правовой системы России и судоустройства западных указал, «что законоведы <...> приняли в соображение не столько судебные утверждения, сколько общие принципы, господствующие у всех цивилизованных народов Европы»³⁸. Вывод автора однозначен: «В главных чертах реформа 1864 года, несомненно, следовала иностранным образцам и, преимущественно, английскому и французскому»³⁹. Касаясь организации Советов присяжных поверенных, М.М. Ковалевский прямо заявлял: «Ясно, что они были созданы по образцу уже существовавших во Франции учреждений этого рода <...>»⁴⁰.

Не сомневаются в генетическом родстве русской адвокатуры с европейскими «собратьями» и современные исследователи. В частности, Н.А. Троицкий подчеркивает, что у организации присяжных поверенных в России «оказалось много общего с адвокатурой передовых стран Запада. Откуда творцы Судебных уставов 1864 г. немало позаимствовали для статуса «русской адвокатуры»⁴¹. Н.В. Черкасова указывает, что при создании русской адвокатуры «отчасти был воспринят немецко-австрийский тип адвокатуры, особенность которого состояла в соединении в одних руках функций правозаступничества и судебного представительства. Организационное же устройство адвокатуры во многом напоминало французское...»⁴² (имеется в виду внутреннее самоуправление, система дисциплинарных взы-

сканий и порядок дисциплинарного производства. – А. С.).

Российская адвокатура всегда оставалась ненавистой для власть предержащих. Самодержавие уже в 1870–1880-х гг. в законодательном порядке стало проводить политику ущемления прав адвокатуры. В январе 1874 г. последовало высочайшее повеление о «временном» приостановлении учреждения Советов присяжных поверенных и передаче их функций окружным судам. Это ограничивало независимость адвокатуры, искажало принципы ее организации. Не сразу добилась русская адвокатура и надлежащего общественного признания. Новизна этого института и неясное представление о роли адвоката в процессе порождали нападки со стороны как реакционных, так и либеральных кругов. Нападки продолжались до тех пор, пока адвокатура не проявила себя на больших политических процессах 1870-х гг.

Подводя итоги, следует сказать, что вопрос о создании в России института адвокатуры решался при огромном сопротивлении со стороны самодержавия. Чтобы сдвинуть его решение с мертвой точки, судебные деятели до времени отвергали прямые ассоциации с европейской правовой системой. И далее, в сложной общественно-политической ситуации пореформенных лет прогрессивные русские юристы стремились не дать правительству шансов уничтожить нарождающийся правовой порядок. Отрицание сходства русской адвокатуры с европейскими аналогами было тактическим маневром, жизненной необходимостью, заботой о будущем России. Это позволяло не только рассчитывать на развитие правовой базы гражданского общества, но и предопределило формирование плеяды выдающихся юристов, поколения правоведа-защитников, пополнивших золотой фонд выдающихся деятелей русской общественной жизни.

Но в целом отечественная юридическая мысль, оставаясь на почве фактов и профессионализма, конечно, признавала отечественную адвокатуру аналогом европейской.

Примечания

- 1 Пальховский А.М. О праве представительства на суде М., 1876. С. 124–125.
- 2 Спасович В.Д. Две речи. Берлин, 1892. С. 56.
- 3 История русской адвокатуры / Под ред. И. В. Гессена. М., 1914. Т. 1. С. 16.
- 4 Там же.
- 5 Там же С. 17.
- 6 Там же. С. 18.
- 7 Там же. С. 19.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Там же. С. 21.
- 10 Там же. С. 22.
- 11 Там же. С. 23.

- 12 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 24.
- 13 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1. С. 320.
- 14 По мнению М.В. Немытиной, хотя «на момент введения судебных уставов 1864 г. в правительственном лагере, в обществе, в юридической среде для подавляющего большинства авторов была характерна их идеализация» (Немытина М. В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999. С. 13).
- 15 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 25.
- 16 Цит. по: Васильковский Е.В. Указ. соч. С. 321.
- 17 Подобная политическая традиция сохранилась и по сей день. Властители нынешние как и прошлые, стремятся законодательно оправдать и, возможно, укрепить собственную власть.
- 18 Е.В. Васильковский отметил, что поскольку «организация сословия адвокатуры становилась необходимой», то «возникла опасность для судебной реформы вообще» (Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 320).
- 19 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 45.
- 20 Там же. С. 47.
- 21 Там же. 51.
- 22 Н. А. Буцковский (1811–1873) – один из главных деятелей судебной реформы. Был председателем комиссии, разработавшей в 1863 г. Устав уголовного судопроизводства.
- 23 См.: История русской адвокатуры. Т. 1. С. 31.
- 24 Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 320.
- 25 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 38.
- 26 Образованное русское общество с живейшим интересом и сочувствием встретило учреждение новых судов. Однако уровень правосознания русской публики в целом оказался невысоким. Отсюда чрезвычайно любопытный феномен восприятия в обществе принципа состязательности. Так, известный русский юрист отмечал: ««Провозглашение начала состязательности встретило живейший отклик в обществе, как провозглашение свободной борьбы личных интересов, в которую государство не вправе вмешиваться, которую судья должен созерцать беспристрастно». Прения обвинения и защиты воспринимались «как осуществление свободной борьбы личных интересов, а с этой точки зрения обязательное участие адвокатуры или даже монополия ее рисовались как ограничения в распоряжении своими гражданскими правами, квалифицировалось как нарушение естественного права, как нравственное насилие» (История русской адвокатуры. Т. 1. С. 52–53).
- 27 См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждениями, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Разд. 9. Гл. 2. Ст. 353–406. О судебной реформе и русской адвокатуры см. также: Васильковский Е.В. Указ. соч.; История русской адвокатуры. Т. 1. С. 116–243; Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуры. Тула, 2000; Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904. Тула, 2000.
- 28 Адвокатура России, чтобы приобрести приемлемый статус и признание, должна была открещиваться от своих предшественников – стряпчих и частных ходатаев – того «крапивного семени», мрачная слава которого

тяжелым бременем лежала на репутации вновь создаваемого института. В полной мере присяжной адвокатуре того времени освободиться от предшественников не удалось: ходатаи по гражданским делам под разными вывесками сохранялись. Объяснялось это не только традицией, но и элементарной нехваткой дипломированных специалистов. Именно поэтому, спустя 10 лет после начала судебной реформы (в 1874 г.) правительство вынуждено было узаконить наряду с присяжными поверенными институт частных поверенных.

²⁹ Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 312.

³⁰ Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. №47. С. 2213.

³¹ Спасович В. Д. Застольные речи (1873 – 1901). Лейпциг, 1903. С. 85. Справедливости ради стоит отметить, что, откровенно говоря от родства русской адвокатуры с европейскими аналогами, отечественные правоведы заодно подчеркивали и недостатки отечественной судебной системы: крючкотворство и затягивание судебного процесса, несовершенство судопроизводства, которое приводило к преобладанию розыскного процесса, характеризовавшегося совмещением функции суда, обвинения и защиты.

³² Барымов А. Защита по уголовным делам // Юридический вестник. 1878. № 9. С. 383.

³³ Там же. С. 391.

³⁴ Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 75.

³⁵ См.: Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889.

³⁶ См.: Стоянов А.Н. Английская адвокатура // Юридический вестник. 1880. № 8.

³⁷ Н.А.Троицкий отмечает, что «вообще <...>специалисты сравнивали русскую адвокатуру именно с французской, которая считалась наиболее искусственной и авторитетной в Европе и не зря послужила для корпорации русских адвокатов преимущественным образцом» (Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 51).

³⁸ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 189.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Там же. С. 189.

⁴¹ Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 39–40.

⁴² Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-гг. XIX в. М., 1987. С. 30.

УДК 30.01(470–89)

ПОНЯТИЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ» В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1855–1858 ГОДОВ

М.В. Калашников

Саратовский государственный университет, кафедра истории России
E-mail: Kalashmv@mail.ru

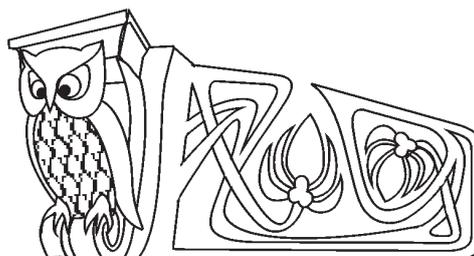
В статье использован метод историко-семантического анализа, в рамках которого естественный язык понимается как знаковая система общественного сознания. Показано изменение смысла понятия «либерализм» в русском общественном сознании 1855–1858 гг. под влиянием социальной практики и политических процессов, происходивших в России.

The Conception "Liberalism" in Russian Public Consciousness of 1855–1858

M.V. Kalashnikov

In the article the method of historical-semantic analysis is used. Natural language is understood as a sign system of public consciousness. The change of the meaning of the conception «liberalism» in Russian public consciousness of 1855–1858 under the influence of social practices and political processes, which proceeded in Russia, is shown.

До конца 1840-х гг. в русском общественном сознании понятие «либерализм» в основном означает политическое течение, которое для достижения своих целей использует радикальные, революционные средства, воспринимаемые все тем же

общественным сознанием как безнравственные. А слово «либерал» означает: безнравственный и, как следствие этого, неумный человек.

Частичная семантическая «реабилитация» понятия «либерализм» в русском общественном сознании конца 1840 – начала 1850-х гг. была связана с революциями 1848 г. в Европе, в ходе которых бывшие радикально (революционно) настроенные либералы решительно выступили против новых радикалов (революционеров) – демократов, социалистов, коммунистов и анархистов.

Вместе с тем в русском общественном сознании, по крайней мере, до середины 1850-х гг. сохранялись и прежние смыслы понятия «либерализм», характерные для 1830 – 1840-х годов. Так, например, Б.И. Сциборский, вспоминая годы учебы в Главном педагогическом институте, в письме к Н.Г. Чернышевскому от 10 февраля 1862 г. писал о кружке Н.А. Добролюбова, действовавшем в конце 1854–в 1856 гг.: «Наконец был кружок ненавистный властям, клеймившим его головорезами, алчными крокодилами, либералами и другими позорными кличками. Это были отъявленные враги существовавших тогда порядков в Институте, изо всех сил бившиеся из-за того, чтобы дать понять